

ТРИНАДЦАТЬ СМЕРТЕЙ АЛЕКСАНДРА ПОРОХОВЩИКОВА

Закончились съемки новых серий про легендарных знатоков. Рабочее название телесериала «Следствие ведут знатоки. Десять лет спустя». ОРТ обещает показать его после Нового года. Постаревшим и помудревшим стражам закона, чья служба и опасна, и трудна, козни строит персонаж народного артиста РФ Александра Пороховщикова

Судьба послала Александру Шалвовичу жену Ирину, очень похожую на его мать.

— Ваш герой, стоящий на другой стороне баррикад, наверное, изменился за столько лет. Кого вы играли тогда и кого сейчас?

— Я и тогда, и сейчас играл прежде всего человека. И для меня он совершенно не изменился. Это обстоятельства жизни меняются. Мне интересна роль, потому что я в жизни таких людей люблю — умных, сдержанных, имеющих свою точку зрения, максималистов в чем-то.

— Но он же мафиози! Злодей...

— А человек злодеем не рождается. Вот я играл роли белогвардейцев. Они творили много жестокоостей. Но если к человеку ворвались домой, разорили его усадьбу, убили мать, повесили отца — он на это начинает отвечать. Дискомфорт с идеологией произошел и у моего героя в «Знатоках». В новых сериях Коваль — так его зовут — приезжает в Россию из Австрии, где давно живет, в качестве третьей стороны. Разобраться в конфликте двух мафиозных группировок. И первым делом идет на могилу матери. А на этом месте какой-то «крутой» похоронен. Коваль становится плохо с сердцем. В сцене всего-то пара слов: «Прости меня, мама, за все». Я сразу о своей матери подумал. Разрыдался там в голос, не мог остановиться. Потому что в этот момент наши человеческие качества совпали.

— Очень часто, увы, мы по достоинству оцениваем наших родителей только после их смерти...

— Не стараюсь строить из себя героя, но в жизни я ничего не боюсь. Как глубоко верующий человек знаю, что смерти нет. Но я никогда не допускал мысли, что на свете смогу жить без мамы. И когда ее не стало, случилось страшное — уход информации из семьи. Никто уже не рассказывает, каким я рос, как жили мои деды и прадеды. Создалось было уютно, чтобы появилась Ира — жена моя, кстати, очень похожая на маму. И она своими ладошками меня поддерживает.

— Верите в судьбу?

— Стопроцентно. Хотя есть люди, которые пытаются судьбу взять под свой контроль, идут наперекор всему. И это

— В жизни я ничего не боюсь. Как верующий человек знаю, что смерти нет

личности, настоящие глыбы. А кончают трагически. Возьмите Святослава Николаевича Федорова. Ему хотелось быть летчиком. Бог даже ногу у него отобрал. Федоров все равно полетел. И разбился.

— Вы с ним дружили?

— Да. Там, где лежит Святослав Николаевич, в его деревне, и моя мама похоронена. Там и я лягу, и Ирка... Федоров восстановил небольшую церковь. Она

красоты писаной — чистая, изящная. Когда шли строительные работы, там обнаружили саркофаг. В нем — останки отца Суворова. У нашей семьи есть свои часовенки на Новодевичьем кладбище. Не надо. Чем дальше от этого шума и гама, тем лучше. К природе ближе. Есть «асфальтики», которые ничего, кроме городских пейзажей, не признают. А я каждую свободную минуту рвусь из Москвы на свою дачку под Звенигородом. Когда не было ее — в лес. Могу на велосипеде — необязательно на машине. Кстати, в свое время я в Театр сатиры, где работал, на велосипеде ездил.

— Вот так раз: князь — и на велосипеде...

— Я вообще никогда об этом не думаю. Да, мои предки были аристократами, столбовыми дворянами. У нас есть фамильные гербы. Прадед как архитектор участвовал в возведении храма Христа Спасителя, он же субсидировал строительство. На таких Россия-матушка держалась. Дед — изобретатель, конструктор, его репрессировали и расстреляли в 1941-м, потом реабилитировали. В столице сохранились наши дома на Арбате. Один — деревянный, без единого гвоздя, получивший серебряную медаль на выставке в Париже, — передал под музей семьи Пороховщиковых. В нем много знаменитых людей того времени перебивало. Но дело не в этом. Человека ведь оценивают по поступкам. Если они княжеские, народ скажет: это барин, это хозяин.

— Наверное, вы знаете, как надо жить...

— Любить по-настоящему, дружить по-настоящему — как дышать. Тогда у тебя внутри сформируется такой человеческий аппарат, что не позволит притворяться, заигрывать, идиотничать. Моя мама, пройдя очень тяжелые испытания, осталась чистой, ранимой личностью. И она говорила мне: «Саша, самое прекрасное в жизни — человеческое общение. Никогда не закрывайся. Чтобы не было никаких забрал. Иначе ты вкуса жизни не почувствуешь».

— И вы открыты для любого человека? Каждый запросто может к вам подойти?

— Естественно. Ко мне часто кто-нибудь за столик в кафе подсаживается. Вот однажды подошел человек. Ста-

рик, 87 лет. За границей живет, но в Россию часто наезжает. Как дела, спрашивает, где снимаетесь сейчас... Слово за слово, рассказал ему один свой сценарий. Как общество делает из человека убийцу, а любовь спасает. Прimitивная вещь, банальная. Но на жизнеописании того, что я сам прошел, придуманного ничего нет. И вдруг он говорит: да это же про меня! Был октябренком-пионером, его выдвигали, возглавил комсомольскую организацию на заводе. Но очень прямолинейным оказался — что думал, то и говорил. А за это его по голове. Из партии выгнали. Остался без работы — никуда не берут. Жена повесилась, дочка стала проституткой. Трагедия. Сейчас, говорит, те

люди, что меня гноили, мне за водкой бегать. Некоторые сцены из его рассказа я потом в сценарий вставил.

— Скажите, Александр, а вы сами-то сериалы смотрите?

— Я отношусь к тем зрителям, которые смотрят почти все. И ерунду тоже. У меня ощущение, что беда нашего кино, особенно детективного, в липовом герое. Какие-то мальчики лет 25 — 30, с растрепанными ушами, тонкой шеей и бицепсами. Вы в жизни видели таких героев? Кто страной правит? Касьянов, Чубайс... Посмотрите, сколько им лет, какие они собой...

— Ну, не всегда же быть серьезными, развлекаться тоже надо.

— Почему Марк Захаров состоялся? У него и сейчас есть замечательные вещи, но много и одних понтов. Но был у Захарова спектакль «Доходное место». Он шел на такой гражданской высоте, что его вынуждены были закрыть. Когда я вижу сегодня Юрия Любимова с бокалом шампанского рядом с теми людьми, кого он раньше на порог не пускал, то понимаю, как он изменился.

И искусство его изменилось. Существует Таганка. Но что она такое сейчас? Великие говорили: интересно только то в искусстве, что социально. Никуда от этого не деться.

— Вы думаете, новые «Знатоки» окажутся на порядок выше уже раскрученных милийских сериалов?

— Уверен. По жанру это психологический детектив — классическая форма. Многие устали от кровавых драк, похабщины... Раньше лозунг был: милиция ловит и побеждает. Это же не так. В большинстве случаев бывает наоборот. Хотя милиция трудится, у нее очень тяжелая работа. Зло должно быть наказано, но сначала ты должен его победить. Времена казаков-разбойников прошли. Не случайно в новых сериях есть потрясающая встреча Коваль с ребятами с Петровки. Веление времени — эти люди должны бы вместе работать. Хотя моего героя опять убивают. Это 13-й фильм, где я умираю.

— От такой цифры и в уныние можно впасть.

— У меня уныния не бывает. Тоска какая-то с самого рождения. Да у нас вся нация тоскует. Встречаемся на дне рождения, начинаем за здоровье. Обязательно потом в ванне кто-то плачет. Жизнь тяжелая. Я считаю, у нас трагическое существование. Поэтому хочется что-то глобальное сыграть. Предложений много. Но мощные роли — сегодня большая редкость. К сожалению, к нашему ремеслу пришло немало людей, чья среда обитания — рестораны, бутики, заграница. А ведь это гарнир жизни. Потому ни Бориса Годунова, ни Отелло у нас никто не играет. Здесь нужна гигантская внутренняя культура. Когда человек в зал входит, его надо потрясать. Чтобы он или провал видел, или взлет. А вот среднего не хочется. Когда все чудненько, ладненько, прохладненько — кому это интересно?

Татьяна ПОТАПОВА.
Фото из семейного архива.

Пороховщикова Александр
17.12.01